

ПРОЗВИЩЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. Х. СЕЛЫ

К. В. Лопатина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 сентября 2013 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности использования прозвищ как форм именования персонажа в наиболее значимых произведениях современного испанского писателя, лауреата Нобелевской премии, Камило Хосе Селы. Особое внимание уделяется их эволюции на протяжении трех основных периодов творчества автора.

Ключевые слова: испанский язык, испанская литература, ономастика, антропонимия, литературные антропонимы, имена собственные, прозвище, Камило Хосе Села, язык писателя, именование персонажей.

Abstract: the article deals with the peculiarities of the nicknames as a specific type of anthroponyms. The research is based on the novels of a Nobel Prize laureate, an outstanding Spanish writer, Camilo Jose Cela. Special attention is paid to the evolution of nicknames during the three most important periods of his work.

Key words: spanish language, spanish literature, onomastics, anthroponymy, literary anthroponyms, proper names, nickname, Camilo Jose Cela, writer's language characters' names.

Современные лингвисты не имеют единой точки зрения относительно того, что именно входит в понятие «прозвище». Словарь испанской королевской академии предлагает следующее определение данного термина: «это имя, дающееся человеку по какому-нибудь случаю или указывающее на какой-нибудь недостаток» [1, р. 183]. Словарь Марии Молинер определяет прозвище как «дополнительное имя, содержащее намек на какое-нибудь свойство, сходство человека или другое обстоятельство, по которому человек известен окружающим» [2, р. 216].

Русская ономастика рассматривает прозвище как вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими, в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельствами или по какой-нибудь аналогии [3, р. 115]. С этой точки зрения, исследователи чаще всего ищут конкретные мотивы, приводящие к возникновению прозвища [4]. Д. И. Ермолович считает такой исторический подход интересным, однако мотивация прозвища может оказаться подвижной, она уточняется и меняется. Ученый предлагает рассматривать прозвища не с точки зрения их возникновения, а с точки зрения использования и предлагает следующее определение: «Прозвище – неофициальное, экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него» [5, с. 88–89]. Мы полагаем, что для анализа прозвищ в художественном произведении такой подход более обоснован, поскольку в моделированной авторским сознанием реальности, каковой является реальность

любого художественного произведения, исследователь располагает только той информацией, которую автор считает целесообразным включить в произведение. Таким образом, конкретные мотивы могут остаться (а в исследуемом нами произведении и остаются) как бы «за кадром» повествования, могут быть предназначены для выполнения других функций, нежели характеристики человека по особенностям его внешности или поведения.

Прозвища – самый мотивированный вид антропонимии в художественном тексте с прямо или косвенно характеризующей семантикой. В прозвищах стилистическая экспрессия оценочности возникает благодаря их семантической двуплановости: этимологическое (оттапеллятивное) значение основы накладывается на собственно ономастическое, номинативное, в результате чего первое усиливает второе и делает его «говорящим», оценочным и двуплановым [6, с. 45].

Прозвища относятся к периферии ономастического пространства и являются, прежде всего, фактом территориально и социально ограниченной речи, функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-арготической среде [7, с. 102]. Этим объясняется огромный потенциал прозвищ в художественных произведениях: с их помощью можно не только эксплицитно авторское ироническое отношение к персонажу, его поведению, а также взаимоотношениям с другими персонажами, но и обозначить принадлежность действующего лица к различным национальным, социальным или диалектным подгруппам.

Современный испанский писатель, лауреат Нобелевской премии, Камило Хосе Села отличается

превосходным владением словарем, точным и гибким, постепенно обогатившимся удивительными оттенками. Разнообразное использование суффиксов, оригинальность сравнений и образов, изобретательность в выборе слов, пластичность синтаксических конструкций, и, особенно, яркое присутствие разговорного языка, живого и искрящегося, который, разрушая предрассудки, все более уверенно завоевывает позиции и наполняет натуральностью прозу Селы, превращая его в писателя, виртуозно владеющего родным языком [8, с. 12–13].

В предисловии к роману «Новые приключения и злоключения Ласарильо с Тормеса» Села отмечал зарождение своей писательской виртуозности: «Я вполне осознанно поставил себе задачу добиться чистого испанского языка с народными корнями, опирающегося на разговорную речь, а не на письменную, который мог бы стать орудием для достижения моих целей» [9, Т. I, р. 282].

Одним из самых любопытных и значительных аспектов в словаре писателя можно считать антропонимикон его произведений, и в частности прозвища как разновидности антропонимов. Мы полагаем, что на материале прозвищ более всего заметен постепенный прогресс словаря писателя в направлении «эсперпентизма» (в словаре Марии Молинер «эсперпенто» определяется как «театральный жанр, созданный Валье-Инкланом, в котором действительность изменена и деформирована, а черты ее преувеличены и доведены до абсурда [2]).

Многие исследователи отмечали ловкость и умение Селы манипулировать лингвистическими средствами, а также присущий ему азарт писателя-экспериментатора [10, р. 11–12]. Камило Хосе Села кропотливо старается подобрать подходящее слово. Если необходимо, он добывает слова из забытого мира архаизмов или из темных кладовых различных диалектов и жаргонов, чтобы предоставить им хоть один миг торжества и блеска. В этом, как и во многих других аспектах, Села, по мнению Сары Суарес Солис, является наследником и продолжателем писателей поколения 1898 г. [8, р. 24].

Любопытная картина также открывается при анализе все возрастающего интереса к прозвищам, а также их эволюции от ранних произведений писателя к наиболее поздним. Классификацию периодов творчества испанского писателя мы приводим вслед за С. Суарес Солис, которая поделила его творчество на три периода: доклассический, классический и постклассический, названный ею «*barroquismo celiano*» (баррокизм Селы) [8].

В доклассический период творчества Селы обращает на себя внимание почти полное отсутствие прозвищ. В романе «Семья Паскуаля Дуарте» писатель награждает ими только трех персонажей: la

Madriñeña (Жительница Мадрида), la Apacha (Шерсть), El Estirao (Франт; кроме того, в прозвище отражены фонетические особенности регионального диалекта, в частности, ослабление интервокального звука «d»). В последующих его произведениях мало кто из героев появится без соответствующего прозвища, иногда даже двойного или тройного.

В романе «Новые приключения и злоключения Ласарильо с Тормеса», в отличие от первых произведений Селы, многие персонажи, особенно более или менее важные для сюжета, имеют прозвище: Пантелеон и его супруга – los Rubios (Блондины), тетя Либрада по кличке la Sota (Нахалка), Давид Андраде по прозвищу Carneirinho Branco (Белый барашек; в прозвище отражены особенности регионального диалекта Галисии), донья Бласа – la Machorra (Мужеподобная женщина). Однако структуру и значение этих прозвищ пока еще сложно назвать «эсперпентичными».

В классический период эта тенденция постепенно, но заметно усиливается. Например, в романе «Улей» некоторые персонажи названы с помощью различных запоминающихся прозвищ: Pelo de muerta (Волосы покойницы), Saltaprados (Кузнечик), La Uguaya (Уругвайка), La Fotógrafa (Фотограф; использована форма женского рода, видимо, с целью указать на нетрадиционную ориентацию персонажа) и El Astilla (Щепка). Los Pelones: в фигуральном значении «бедные, нищие»; los Raposos: «лисы, хитрецы»; Pito Tiñoso: pito – «свистулька, (разг.) пенис», tiñoso: «жалкий»; Paco; el Sardina «Сардина»; La Marraca «Мазила»: marrar – «промахнуться» и уничижительный суффикс [11].

В романе-путешествии «Путешествие в Алькарию» Села наслаждается звучанием и значением многочисленных прозвищ, большинство из которых не принадлежат никакому персонажу: «En este pueblo cada hijo de vecino tiene su apodo, aquí no se libra nadie», говорит один из действующих лиц – Хулио Бакас [12, р. 114]. «В нашем селе каждый соседский сын имеет свое прозвище. От этого никому не спастись» (здесь и далее перевод наш. – К. Л.). Села перечисляет прозвища, которые якобы услышал в этом селе, одно ярче и экстравагантнее другого: un Carazorgas (Лисий кастратор), un Caganidos (Гадящий в гнезда), un Monafrita (Жареная мартышка) и др. При этом в дневнике, который вел Села во время путешествия, на странице, посвященной этому селу, количество прозвищ в несколько раз меньше и они намного проще, чем те, которые Села выдумал, опираясь на этот образец, например Chillarón (Крикун) [13, р. 18].

Некоторые прозвища сопровождаются ироническими комментариями автора: «El rata es un hombre que supo aprovechar el apodo, exprimirlo como un limón. Es un cónsul de la Alcarria y su tienda es un registro de

ir y venir las gentes» [12, p. 133]. «Крыса смог извлечь пользу из своего прозвища, выжать его как лимон. Это консул Алькаррии, а его магазин – регистрация тех, кто идет или возвращается». Подобную ситуацию можно наблюдать и в романе «Улей»: «La Uruguaya se llama así porque es de Buenos Aires». «Уругвайку так прозвали, потому, что она из Буэнос Айреса». В романе «Путешествие в Алькаррию» также встречаются подобные примеры: «...un mozo al que dicen Felipe el Sastre. Felipe no es sastre, ni su padre ni su abuelo tampoco, pero lo cierto es que, por Diós sabrá qué misteriosas razones en el pueblo no lo conocen más que por Felipe el Sastre» [12, с. 201], «...парень, которого кличут Фелипе Портной. Фелипе не портной, ни его отец, ни его дедушка, но на самом деле неизвестно по каким таинственным причинам в деревне его знают исключительно как Фелипе Портного». Иронические комментарии, сопровождающие антропоним, – одна из характерных черт ономастики произведений Селы.

В сборнике рассказов «Галисиец и его квадратилья» чаще всего персонаж имеет имя и прозвище, как в квадратилье Галисийца: don Camilo – El Gallego (Галисиец); Adolfo Dios – Chicha «Чича (алкогольный напиток)». Кроме того, в конце произведения есть глава под названием «Коллекционер прозвищ», где Села собирает великое множество прозвищ Кастилии. «У меня душа старьевщика... искусство быть писателем, это, среди прочего, талант терпеливого накопления запасов», – пишет Села в «Из Миньо в Бидасоа» [9, Т. VI, p. 188], и эта черта ярко проявляется в выборе антропонимов, в частности, в поиске и коллекционировании странных, звучных и смешных прозвищ. Это еще одно доказательство филологического интереса писателя к народным лексическим творениям. Не удивительно, что с этого момента почти все персонажи в последующих произведениях имеют прозвища.

В постклассический период набирает силу увлечение Селы прозвищами. Изобретательные и самобытные прозвища завораживают писателя, а вульгарные и избитые его раздражают. В романе «Евреи, мавры и христиане» автор не может удержаться от соблазна перечислить разные прозвища, не приходящиеся к слову: «Algunos tuvieron apodos graciosos: Petaca, Tahonerito, Verduras, Baulero, Candil, Gangrena, Pegote Chico, Brazofuerte, Chuletas, Gilillo, Cuerpolimpio, Chuchi, Cometa, Broncista, Panojitas, Pelón, Veneno Chico, Fresquito de Valladolid, Lechuga» [9, Т. IV, p. 244]. У некоторых были смешные прозвища: Большой зад, Пекарчонок, Непристойности, Продавец чемоданов, Лампада, Гангрена, Маленький дармоед, Сильнорукий, Затрещины, Предурковатенький, Чистотелый, Угрюмый, Воздушный змей, Бронзовщик, Початочек, Плешивый, Маленькая отравка, Нахаленок из Вальядолида, Бабло.

Увлечение Селы прозвищами порождает интересный эффект в произведении «Старые друзья»: персонажа Fileas Estercuel Pitarque (абсурдный, деформированный антропоним) все называют только по прозвищу Manolito (часто встречающееся, простое имя). В огромном, насыщенном и гротескном ономастическом мире произведений Селы исключение стало правилом, и обычное имя Manolito по контрасту режет слух.

Наиболее экспрессивными и показательными становятся прозвища в произведении «Тобогган голодных»: Esculapio Tordillo – alias Pintiparao (Франтоватый); Fabiano Madrigal – alias Parada y fonda (Остановка и кабачок); Amadeo Pinilla Pardilla – alias Feto (Выкидыш); Tranquilino Tastavín Torrevelilla – alias Juego de Te (Чайный сервис).

Таким образом, прозвище как неофициальное, экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя обладает огромным потенциалом в художественных произведениях Камило Хосе Селы: с их помощью автор делает очевидной свою иронию и даже сарказм в отношении персонажа, а также может обозначить принадлежность действующего лица к различным национальным, социальным или диалектным подгруппам. Кроме того, можно утверждать, что от ранних произведений писателя к более поздним набирает силу тенденция увеличения частотности прозвищ, а также их эмоциональной, экспрессивной нагруженности, писатель все более склоняется в сторону «эсперпентизма» в отношении этой группы антропонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Diccionario de la Lengua Española RAE : vigésima segunda edición. – Madrid : Espasa Calpe, 2001. – Т. I. – 1180 p.
2. Moliner M. Diccionario de uso del español en 2 tomos / M. Moliner. – Madrid : Editorial Gredos, 1986. – Т. I. – 1446 p. ; Т. II. – 1585 p.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 189 с.
4. Журбина Г. П. Типологические особенности прозвищ / Г. П. Журбина, Н. В. Мелькумянц // Речевая деятельность. Текст : межвуз. сб. науч. трудов. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. – С. 68–72.
5. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культуры / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
6. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоянкова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.
7. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 171 с.

8. *Suárez Solís S.* El léxico de Camilo José Cela / S. Suárez Solís. – Madrid ; Barcelona : Alfaguara, 1969. – 565 p.

9. *Cela C. J.* Obra completa T. I–V / C. J. Cela. – Barcelona : Destino, 1962–1966.

10. *Alonso E.* Introducción a Cela C. J. «La colmena» / E. Alonso. – Madrid : Colección Austral, 1997. – P. 9–51.

11. *Лопатина К. В.* Антропонимы в художественном дискурсе / К. В. Лопатина // Системные и дискур-

сивные свойства испанских антропонимов / под. ред. Ю. А. Рылова. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010. – С. 105–181.

12. *Cela C. J.* Viaje a la Alcarria / C. J. Cela. – Madrid : Espasa-Calpe, 1952. – 238 p.

13. *García Marquina F.* Guía del Viaje a la Alcarria / F. García Marquina. – Madrid : Ediciones de Guadalajara, 1993. – 271 p.

Воронежский государственный университет

*Лопатина К. В., кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры романской филологии*

E-mail: xeny4@yandex.ru

Тел.: 8-910-738-25-00

Voronezh State University

*Lopatina K. V., Candidate of Philology, Lecturer of the
Romance Philology Department*

E-mail: xeny4@yandex.ru

Tel.: 8-910-738-25-00